

ТИШИНА ДУШИ

Вячеслав Черепов

Вячеслав Черепов

Тишина души

«Автор»

2026

Черепов В.

Тишина души / В. Черепов — «Автор», 2026

Андрей вернулся с войны, но настоящая битва за себя самого началась только дома. В тишине квартиры, где каждый звук напоминает о прошлом, он пытается заново научиться жить. Не через слова и терапию, а через дерево. Дуб учит его держать удар и собирать себя по кусочкам. Липа — слышать себя и обретать чуткость. А жена... жена учит принимать то, что нельзя исправить, и видеть красоту в шрамах. «Тишина души» — честная история о том, как сломанное можно собрать заново. Рассказ о мужчине, который прошел через ад и нашел в себе силы создать тепло своими руками. Для тех, кто знает цену молчанию и верит, что любовь сильнее травмы.

© Черепов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Тишина души

Глава

Тишина души

Глава 1. Узел

Андрей продернул шнурок в петлю, затянул. Простое движение, но от него по телу разлилось странное, забытое чувство: часть себя вернулась на место. Та самая, что казалась утраченной навсегда. Пальцы помнили этот жест еще с детства, но теперь он принадлежал не армии, не школьной линейке, а ему нынешнему. Человеку, который только что заново научился дышать в тишине.

За окном серело. Не то выжженное, тревожное серое, к которому привыкли глаза за два года в горах, где рассвет всегда пах гарью и пылью. А настоящее, московское утро — с запахом остывающего асфальта и влажного бетона. В квартире пахло кофе. И чем-то еще, неуловимым. Может быть, ожиданием. Оно поселилось внутри вместо глухой пустоты, оставшейся после госпиталя и долгих месяцев молчания, когда даже собственное дыхание казалось предательством.

Он сидел на краю кровати, слушая, как на кухне тихо звякнула ложка о край чашки. Жена не окликнула. Она знала: сейчас ему нужна эта пауза. Мостик между прошлым, где каждый звук был сигналом опасности, и тем, что начнется через мгновение.

Шнурок завязан. Ботинок стоит на полу, готовый принять вес. Но главное не в этом. Главное — впервые за долгое время он не боялся сделать шаг. Не потому, что опасность миновала. А потому, что земля под ногами перестала быть зыбкой, как та тропа под Хостой, где он потерял половину взвода и кусок собственной души. Она стала просто землей. Твердой. Своей.

Андрей поднялся. Пол скрипнул. Тот самый хрупкий звук, который вчера еще хотелось заглушить, защитить от собственной тяжести. Сегодня он просто услышал его. И пошел на кухню. Не как солдат с задания, где каждый шаг мог стать последним. Не как мальчик, бегущий в понятный мир. А как мужчина, пришедший домой. Надолго.

На кухне было светло. Жена стояла у плиты спиной к двери. Не обернулась, но плечи чуть расслабились — она слышала шаги. Обычные. Не крадущиеся, не тяжелые, какими они были, когда он вернулся первым разом и ходил по квартире, боясь разбудить призрака.

— Кофе остывает, — сказала она тихо. Голос ровный, без той нарочитой мягкости, которой говорят с теми, кто видел неприглядное. Просто факт. Как погода за окном.

Он сел. Чашка стояла справа от солонки, на своем месте. Рука потянулась к ручке автоматически. Жена повернулась. В ее взгляде не было вопроса «Как ты?». Была внимательная тишина, в которой он мог быть любым: уставшим, пустым, целым. Она принимала все варианты, зная: после того, что он пронес через себя, любые слова были бы слишком громкими.

— Спасибо, — сказал он. И впервые за месяцы это слово не прозвучало как отчет перед врачом. Оно было настоящим.

Она налила себе чай, села напротив. Между ними лежало утро, пахнущее хлебом и кофе. В этой паузе он почувствовал то самое ожидание. Оно не требовало слов. Оно просто было. Как дыхание, которое он наконец перестал задерживать.

Потом она спросила:

— Ты сегодня пойдешь в мастерскую?

Вопрос повис в воздухе. Не «ты сможешь?», не «тебе не тяжело?». Просто: «пойдешь ли?». Будто его способность работать была таким же естественным фактом, как рассвет, а не подвигом, требующим подтверждения.

Он посмотрел на свои руки. Следов масла или стружки не было много месяцев. Но память пальцев жила. Он вспомнил запах древесины, тепло рубанка, звук, который издает дерево, когда его ведут против волокон. Звук, непохожий ни на один из тех, что преследовали его в бессонные ночи. Это воспоминание не было болезненным. Оно было приглашением. Вернуться к тому, что можно создать, а не разрушить.

— Пойду, — ответил он. И добавил почти шепотом: — Мне нужно что-то сделать руками.

Жена кивнула. Не одобряюще. Не сочувственно. Понимающе. Она знала: для него это не работа. Это молитва. Способ сказать миру: «Я здесь. Я цел. Я могу создавать» — после лет, когда его руки могли только держать оружие и терять друзей.

Он допил кофе. Встал. Прежде чем выйти, подошел к ней. Не обнял. Просто положил ладонь ей на плечо. На мгновение. Достаточно, чтобы передать всё, что нельзя было сказать словами. Она накрыла его руку своей. В этом касании не было ни жалости, ни страха. Только тихое, уверенное присутствие.

Он вышел в коридор. Оделся. Завязал шнурки. Узел держал крепко.

Глава 2. Древесина

Мастерская пахла сосной и старым лаком. Запах густой, почти осязаемый, ударил в нос раньше, чем Андрей переступил порог. Тело напряглось рефлекторно — привычка двух лет в горах, где каждый запах мог означать засаду или раненого. Но запах не был сигналом тревоги. Он был приглашением в мир, где ничто не угрожает, а лишь ждет внимания.

Верстак. Доска под брезентом. Он поднял ткань. Дубовая заготовка, грубо обтесанная, с неровными краями. Она ждала. Не требовала, как ждали приказа в окопе, где ожидание было пыткой. А терпеливо, с доверием мастера.

Руки сами нашли рубанок. Лезвие холодное, рукоять теплая от предыдущих касаний. Пальцы проверили заточку. Память оказалась точнее мысли, которая все еще иногда сбивалась, вспоминая вес автомата вместо веса инструмента.

Первый проход. Рубанок скользнул, снимая тонкую стружку. Звук ровный, шуршащий. Не резкий. Не угрожающий. Просто трение металла о волокна. Никаких ассоциаций с выстрелами или криками, эхом отдававшимся в висках месяцами после возвращения. Только дерево и сталь. Настоящее.

Второй проход. Третий. Руки двигались сами, но сознание было здесь. Он чувствовал, как меняется сопротивление древесины. Где волокно идет прямо — рубанок идет легко. Где сучок — нужно добавить давления, изменить угол. Дерево говорило с ним языком сопротивления и податливости. Языком, который он понимал лучше любых слов, потому что этот язык не лгал, не приказывал, не предавал.

И тут случилось то, чего он боялся.

Рубанок наткнулся на скрытый сучок. Лезвие дернулось. Звук изменился — стал резким, визжащим. И в этот миг тело вспомнило. Не войну саму по себе. А потерю контроля. Мгновение под Хостой, когда всё пошло не так, когда материал — жизнь — ломался, когда усилие превращалось в разрушение, когда он не смог удержать то, что должен был.

Рука замерла. Сердце ударило в ребра. Тишина внутри заколебалась, заполняясь гулом, который не уходил даже в самые тихие ночи.

Но он не убрал руку. Не отшатнулся. Остался в этом моменте. Почувствовал дрожь в предплечье, как пальцы сжимают рукоять слишком сильно, как сбивается дыхание. И назвал это вслух, тихо:

— Это не опасность. Это дерево. Оно живое. Оно сопротивляется, потому что оно есть. Не как команду. Как признание.

Медленно ослабил хватку. Вдох. Выдох. Повторил проход. Медленнее. Бережнее. Слушая древесину, а не команду ей.

Стружка легла ровно. Звук снова стал шуршащим. Своим.

Он остановился. Провел ладонью по поверхности. Дерево было гладким, теплым, живым. В этой гладкости не было ничего, что нужно было бы защищать или скрывать, как приходилось скрывать боль от жены и врачей. Оно просто было. Как он сам.

За окном шумнула машина. Андрей вздрогнул — рефлекторно, как полгода назад на каждый хлопок двери. Но тут же улыбнулся. Не горько. Не стыдась. Просто признавая: да, тело еще помнит. Но теперь у него есть язык, чтобы ответить этому миру. Язык дерева. Язык рук.

Дверь скрипнула. Сухой, деловой звук петель мастерской. Андрей не вздрогнул. Рука легла на край верстака — не для защиты, а для опоры. Он обернулся.

В проеме стоял Игорь. Старый приятель еще с гражданской жизни, до гор, до госпиталя. Тот самый, который когда-то помогал выбирать первый рубанок, когда мир был простым. Игорь выглядел так же, как десять лет назад: та же куртка, та же легкая сутулость, тот же немой вопрос в глазах. Вопрос, не требовавший объяснений про то, что произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.